

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА.
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЭССЕИСТИКА /
PSYCHOLOGY OF CREATIVITY. CULTURAL ESSAYS

Изабелла Малей

Вроцлавский университет
Вроцлав, Польша
izabellaanna@op.pl

ГЕНИЙ И ПСИХОПАТОЛОГИЯ. ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ
МИХАИЛА ВРУБЕЛЯ

Аннотация. Михаил Врубель (1856–1910) снискал звание гениально-го мастера кисти Серебряного века. Он стал основоположником модерна в русском искусстве. Таланту Врубеля присущи поистине «возрожденческие» титанизм и универсализм, которые воплотились в стремлении к синтетическому объединению различных форм изобразительного искусства. Врубель как художник был визионером, соединявшим в своем методе глубокий анализ натуры и образы мистической интуиции в духе символизма. В центре внимания художника – символический образ творческой личности, бросающей вызов обыденному сознанию, постоянно стоящий перед нравственным и духовным выбором. С 1902 года художник официально страдал психическим заболеванием, проходил курсы лечения в клиниках, а в периоды облегчения плодотворно творил. Жизнь и творчество Врубеля представляют собой пример сочетания гениального таланта и тяжелой психопатологии в одной человеческой душе. Начало творчества Врубеля связано с приподнятым настроением. В этот период (1890 год) Врубель пишет *Демона сидящего*. Здесь впервые с предельной экспрессией выражается идея omnipotенции: Демон – это сам художник, символ его души. Постепенно в произведениях Врубеля начинают проступать признаки тревоги (*Пан, К ночи*). Цветовая гамма большинства работ художника и практически всех автопортретов передает две темы, две главные ноты – скорбь и тревогу. В картинах *Демон сидящий*, *Демон летящий* и *Демон поверженный* проявляются признаки онейроидного синдрома. В демониаде замечательно прослеживается также эволюция аффективных состояний, переживаемых художником. Интересно, что все эти психопатологические переживания, испытанные Врубелем, одновременно обогатили его, как художника, эмоциональную палитру. Таким образом, психические свойства стали ценностью искусства.

Ключевые слова: М. Врубель, психопатология, творческая личность, omnipotенция, онейроидный синдром.

Психика – это неотъемлемая, наиболее чувствительная часть человеческого существа, сочетающая в себе противоречивые и неоднородные ценности. Доминирующая их сила заключена в эмоциях, определяющих отношение человека к окружающему миру, идее, к самому себе. Эмоции украшают жизнь и создают субъективные ощущения. Нарушения личности, наблюдаемые в сфере эмоций, указывают на возможное душевное заболевание, девальвирующее жизнь человека. Всеми вопросами, связанными с психическими заболеваниями и нарушениями психической деятельности душевнобольных занимается психиатрия. Психическая деятельность – это процессы, происходящие в центральной нервной системе человека. Именно они ответственны за регулирование социальных связей между человеком и средой, что в результате проявляется в определенном поведении и деятельности личности. Исправность в функционировании названных процессов зависит от биологического состояния центральной нервной системы и от социальных и психологических факторов, воздействующих на личность. В свою очередь описанием, интерпретацией, классификацией и объяснением психических явлений занимается одна из областей психиатрии – психопатология. Отцом психопатологии принято называть Карла Ясперса – немецкого психиатра, издавшего в 1911 году учебник *Общая психопатология*. Образно говоря, психопатология занимается страданием ума, вытекающим из страдания души. Такое биполярное состояние страдания, восходящего в своей истории еще к античности, преследовало гениальные и творческие личности и всегда накладывало отпечаток на их творчество. Уже древние философы обращали внимание на взаимосвязь творческого процесса и состояния души. Аристотель говорил, что «нет великих гениев без присоединившегося безумия» [Аристотель 1934]. К концу XIX века научная психиатрия подтвердила правдивость этих слов благодаря исследованиям Ц. Ломброзо, доказавшего в работе *Гениальность и помешательство* [Ломброзо 1885], что творческая пассионарность, свойственная писателям, художникам или композиторам, тесно связана с психопатологией, передаваемой по наследству. Во все времена взаимосвязь гениальности с тенденцией к расстройствам в сфере психики вызывала особую заинтересованность психиатров и ученых других специальностей (философов, искусствоведов, историков, социологов). За последние десятилетия заинтересованность такого рода тематикой значительно возросла [Jamison 1989: 125–134; Goodwin, Jamison 1990;

Pöldinger 1986: 2673–2680; Rothenberg 1983: 937–942; Witztum, Lerner, Kalian 2000: 110–116; Недува 1970: 311–321].

Интересно, что исключительно много трещин на линии *творческая личность – психика* находим среди русских литераторов или мастеров изобразительного искусства. В исследованиях современных российских психиатров, акцентирующих внимание на взаимосвязи творчества и душевной болезни (поскольку талант – это всегда аномалия), находим имена и портреты гениальных «безумцев»: писателей (А. Радищева, П. Чаадаева, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, В. Гаршина, Ф. Достоевского, И. Тургенева, М. Горького, В. Маяковского, С. Есенина), художников (А. Саврасова, А. Иванова), композиторов (М. Мусоргского)¹. К этой группе принадлежит и Михаил Врубель (1856–1910), снискавший звание гениального мастера кисти Серебряного века. Именно он стал основоположником модерна в русском искусстве. Таланту Врубеля присущи «возрожденческие» титанизм и универсализм, которые воплотились в стремлении к синтетическому объединению различных форм изобразительного искусства. Врубель как художник был визионером, соединявшим в своем методе глубокий анализ природы и образы мистической интуиции в духе символизма. В центре внимания художника обнаруживается символический образ творческой личности, бросающей вызов обыденному сознанию, постоянно стоящей перед нравственным и духовным выбором. Врубель утверждал пророческое значение искусства: оно «призвано поднимать, иллюзионировать душу, будить ее от мелочей будничного величавыми образами»². С 1902 года художник официально страдал психическим заболеванием, проходил курсы лечения в клиниках³, а в периоды облегчения плодотворно творил. Жизнь и творчество Врубеля представляют собой пример сочетания гениального таланта и тяжелой психопатологии в одной человеческой душе.

¹ См.: В. Лернер 2011 и интервью с проф. Владимиром Лернером, электронный адрес: <http://www.proza.ru/2008/01/17/35> (1.07.2014); В. П. Гиндин 2012.

² <http://wroubel.ru/?type=page&page=c8e9eab2-542a-48c1-99ec-bbe9efd8849&item=99a9703d-da14-4c3d-8d94-f58a29f5e8f1> (26.05.2014)

³ Сведения о психической болезни Врубеля я черпала из следующих источников: *Клинический архив гениальности и одаренности* 1925; М. И. Цубина, *Болезнь и творчество Врубеля с психопатологической точки зрения.* / Научный Центр Психического Здоровья РАМН, www.psychiatry.ru/lib/163/book/114/chapter/5 (25.06.2014); Рыбаков 1917; Врубель 1963, с. 196–202. На остальные источники буду ссылаться в последующих частях этой статьи.

Для того чтобы указать связь между художественным творчеством и безумием, следует учесть – на наш взгляд – три фактора: генетические условия, биографию (факты из жизни) и структуру творчества, т.е. формальные и семантические свойства произведений. Все эти совместно действующие факторы (синергизм) образуют психопатологическую матрицу, позволяющую нам понять связь творчества Врубеля с состоянием его психики. В архивных материалах находим следующую запись: «Явился в клинику 10 февраля 1902 г. 46 лет от роду Михаил Александрович Врубель; по национальности русский (отец поляк), родился в гор. Омске в 1856 г., образования высшего, сословия привилегированного. Диагноз: *Paralysis progressiva*. Выписался с значительным улучшением 16 сентября 1903 г.» [Цубина] Пять лет спустя появится подобная, лаконичная по содержанию запись, являющаяся свидетельством как пребывания в психиатрической лечебнице, так и душевных страданий гениального художника. Уже сама неизбежность психиатрического лечения рождает вопрос об истории жизни Врубеля⁴. Поэтому, в первую очередь, займемся генеалогическим древом художника-символиста, чтобы указать источники его душевной болезни. Итак, Врубель родился 5 марта 1856 г. в Омске и был вторым из троих детей. Мать будущего живописца умерла от туберкулеза, когда ребенку было три года. Четырьмя годами позже отец Врубеля вторично женился на пианистке, и в этом браке родилось трое детей. Нет никаких архивных доказательств того, что отношения Врубеля с мачехой были неблагоприятны. Отец страдал атеросклерозом и умер в возрасте 70 лет. Дед Врубеля со стороны отца был алкоголиком, а дед со стороны матери представлял тип параноидальной личности. Брат художника разделил судьбу матери и умер от туберкулеза, когда ему было 11 лет. Сестра же, к которой Врубель был наиболее близок, перенесла острое меланхолическое состояние и, вероятно, страдала депрессией. Да и жизнь самого Врубеля была полна фатальных, как он сам говорил, событий⁵: в 1892 году он заболел сифилисом, ставшим причиной слепоты художника; в 1901 году единственный сын художника – Савва – родился с раздвоенной верхней губой, что

⁴ Биографические факты воссозданы на основе следующих разработок: Яремич 1911; Тарабукин 1974; Дмитриева 1988; Шумский 2001; Скоробогачева 2010.

⁵ Врубель считал себя фаталистом. См.: Лихтенштейн.

поразило Врубеля⁶. Маниакальное возбуждение стало настолько интенсивным, что 10 февраля 1902 года его впервые помещают в московскую психиатрическую клинику. При поступлении Врубель был беспокоен, возбужден, сексуально расторможен. Он высказывал бредовые идеи о собственном величии: он – император, пьет только шампанское; он – выдающийся музыкант, его голос – хор голосов. Поставленный диагноз – «прогрессивный паралич»⁷ – означал, что, согласно принятым в то время методам лечения, живописец должен получать препараты ртути⁸. К тому же сын Врубеля умер в возрасте двух лет от менингита, что вызвало рецидив психического заболевания в остром проявлении. Возникло тяжелое депрессивное состояние с бредом самообвинения, отрицания и греховности. Врубель видел и чувствовал, как его пытаются, казнят, сажают в тюрьму. Был также убежден, что у него нет ни рук, ни ног, что он опозорил семью, что его жена умирает от голода. В эти времена мания величия сменилась самобичеванием, Врубель считал себя виновным во всех бедах и несчастьях семьи.

Здесь уместно сказать, что сублильность и впечатлительность психической природы Врубеля сочетались с его физической хрупкостью. В детстве Врубель – физически слабый, болезненный ребенок, и в зрелом возрасте он был невысоким, хрупким, но пропорционально сложенным человеком. От рано умершей матери он унаследовал душевную мягкость, кротость, склонность к задумчивости и отрешенности. Склонность к занятиям живописью Врубель проявлял уже в возрасте 5–6 лет, с радостью рисуя сцены из семейной жизни. Отец, заметив талант сына, записал его на частные уроки рисунка. Врубель рос в родном доме в окружении книг и картин, был довольно замкнутым, склонным к размышлениям. Поэтому близкие шуточно называли его молчуном и философом. Однако уже в детстве в его личности проявляются

⁶ Как вспоминает сестра художника, «это так глубоко поражает брата, что вскоре наступает постепенное и неуклонное погружение в стихию его конечного «Демона» – Врубель. *Переписка. Воспоминания о художнике* 1963: 196. Некоторые психиатры говорили о наличии у Врубеля симптома Котара, т.е. бредовых идей ипохондрического содержания, часто выступающих в сочетании с идеями ущерба. См.: Лихтенштейн.

⁷ Позднее этот диагноз доктор Федор Усольцев, долгие годы лечивший Врубеля в своей психиатрической лечебнице, изменит на маниакально-депрессивный психоз.

⁸ Среди осложнений при лечении ртутью врачи называют эмоциональную возбудимость наряду с комплексом неясной вины.

бинарные черты, ибо периоды изоляции от окружения часто сочетались с периодами оживления, возбуждения и неоправданной веселости. Врубель проявлял склонность к шокирующим шуткам и мог вести себя неадекватно. Достаточно вспомнить, как однажды он уподобился недавно умершему человеку и, переодетый, появился в комнате, где находились люди, поминавшие покойного. Появление двойника умершего ошеломило всех и вызвало негодование. Один только Врубель смеялся и был рад своей шутке⁹. Эта характерная эмоциональная синусоида значительно изменится в период обучения в гимназии, когда художник делался задумчив, застывал, стоя на одном месте, впадал в оцепенение. По настоянию отца молодой Врубель закончил юридический факультет, не чувствуя, однако, призвания к юриспруденции. Поэтому, следуя зову души, в 1880 году, в возрасте 24 лет, он поступает в Петербургскую Академию Художеств, с увлечением занимаясь тем, что было его призванием. Затем по приглашению профессора Адриана Прахова отправляется в Киев, чтобы заняться реставрационными работами в местных церквях, и навсегда покидает Академию, не окончив ее полного курса. Таким образом, Врубель вступил на стезю художественного творчества, дебютируя в Киеве в роли иконописца и автора монументальной религиозной росписи и фрески.

Знаменательно, что как в жизни, так и в творчестве Врубеля особое, значительное место занимали женщины, формировавшие его личность. В Киеве молодому художнику было дано пережить первую большую неразделенную любовь, а объектом его любви стала жена проф. Прахова – Эмилия. Прахов, обеспокоенный пылкостью чувств Врубеля, посоветовал ему поехать в Венецию для дальнейшего изучения византийских мозаик и написания там заказанных ему иконостасов. После возвращения в Киев в 1885 году Врубель сталкивается с молчаливым безразличием избранницы сердца, что погружает его в состояние эмоционального и физического страдания: художник травмировал себя, нанося ранения грудной клетки и живота. В это же время он начал писать Демона как антитезу Богородицы с младенцем – иконы, на которой лицо Марии обретает лик возлюбленной Эмилии. Если образ Богоматери для киевской церкви Св. Кирилла был отражением любовного порыва Врубеля, то лик Демона выражал

⁹ Этот пример, как и другие примеры, свидетельствующие об увлечении Врубеля мистификацией, описывает в своей книге Н. Тарабукин [Тарабукин 1974: 143].

противоположные чувства: душевную боль, несбывшиеся желания, синдром отвержения. Как описывают его психиатры, этот «душевный кризис несчастливой любви, по-видимому, явился пусковым механизмом психического заболевания, повлек за собой значительные колебания и в настроении, и в творческих планах» [Лернер, Каневский, Вицтум, 2004: 83–90]¹⁰ Врубеля.

Вторая, большая любовь, закончившаяся браком в 1896 году, связана с именем молодой русской оперной певицы – Надежды Забелы. Врубеля очаровал ее голос, он услышал Забелу на репетиции оперного спектакля *Гензель и Гретель* по одноименной сказке братьев Гримм в Петербургском Панаевском театре в конце декабря 1895 года. С тех пор она стала для него сокровенным выражением подлинного искусства. «В своих взаимоотношениях с женой он заботливо оберегал их «высокую тональность», неизменно оставаясь рыцарем своей Дамы» [Ефремова 2010].

Период с 1896 по 1901 год, т. е. от начала брака до рождения сына, был самым счастливым в жизни художника, что сказалось на его творчестве, так как именно в это время он создал такие шедевры, как *Богатырь* (1898), *Пан* (1899), *К ночи* (1900), *Царевна-Лебедь* (1900), *Сирень* (1900), а также многочисленные портреты, в том числе и прекрасные портреты жены. Именно тогда свое полное художественное выражение обрела врубелевская демониада, основой которой стали три символистские и ключевые, с точки зрения психопатологии, полотна: *Демон (сидящий)* (1890), *Летающий демон* (1899) и *Демон поверженный* (1902). Образ жены – любимой женщины и образ демона были спутниками художественной жизни Врубеля.

Врубелю-художнику было свойственно чувство необычного и чрезвычайного, свою творческую деятельность на поприще искусства он понимал как миссию. В воспоминаниях отца художника дан такой портрет сына: «в разговорах обнаруживал неимоверное самомнение как о художнике, творце и вследствие этого не допускал никакого обобщения, никакой мерки, никакого сравнения его – художника – с людьми обыкновенными»¹¹.

Доминирующей чертой личности Врубеля было обостренное самолюбие, а движущей силой ощущаемый им «натиск (*Aufschwung*) восторга», ведущий к какофонии мыслей, идей и

¹⁰ Пользуюсь электронной версией этого журнала, находящегося по адресу: <http://prar.ru/journal/2004/1/vrubel.htm> (22.06.2014).

¹¹ Там же.

творческих замыслов. Поэтому художник часто бросал начатые работы, неожиданно смывал весь их фон, чтобы переписывать почти уже законченные полотна, или же на одно и то же полотно наносил другой рисунок. Такого рода постоянное смывание полотен, с точки зрения психопатологии, есть не что иное, как симптом скачки – быстрой смены идей, мыслей, образов, что характерно для маниакального состояния¹². В период развернутой мании, потребовавшей госпитализации, эти симптомы приняли у Врубеля катастрофический характер [Тарабукин 1974: 151]. Об этом свидетельствует воспоминание Валерия Брюсова, портрет которого был последним произведением Врубеля. Брюсов многократно навещал художника в психиатрической лечебнице, чтобы позировать Мастеру. Поэт вспоминает: «Врубель сразу начал набрасывать портрет безо всяких подготовительных этюдов... Во второй сеанс Врубель стер половину нарисованного лица и начал рисовать почти сначала... Приехав на третий сеанс..., Врубель взял тряпку и, по каким-то своим соображениям, смыл весь фон...» [Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике 1963: 265], хотя портрет был уже почти завершен. «Попутно, при нечаянном движении руки, тряпка отмыла и часть головы... У нас остался только намек на гениальное произведение» [Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике 1963: 269].

Следует заметить, что начало творчества Врубеля связано с приподнятым настроением. В таких картинах, как *Девочка на фоне персидского ковра* (1886), *Мужской портрет в старинном костюме* (И. Н. Терещенко) (1886), *Восточная сказка* (1886) художник выражает свое радостное настроение, свою влюбленность в жизнь, применяя орнаментованную декоративность и живую колористику. Визуальными носителями эмоций у Врубеля становятся густо насыщенные пигментами краски, укладываемые в особую мозаику цветовых впечатлений. Тем не менее, в этой феерии красок просачивается инвариантность, которая в эмоциональном плане говорит о скрытом присутствии автора, окрашенном романтикой грусти. Лица портретируемых, их позы

¹² В паре с маниакальной склонностью шло у Врубеля увлечение фотографическим записыванием в памяти множества деталей. Из этого вытекает, что художник был эйдетиком (особая образная память): «единожды просмотренное» мог воссоздать по памяти, особенно запоминал цветовую гамму. Эту черту художника – «острую способность все запоминать» – подчеркивают Валентин Серов и киевский художник С. П. Яремич. «Эйдетики склонны к галлюцинациям, их преследуют зрительные образы, бывают слуховые и обонятельные» – Лихтенштейн.

и детали натюрморта несут эхо Wetlschmerz'a – мировой скорби. Знаменательно, что в тот же период Врубель пишет *Демона сидящего*. Здесь впервые с предельной экспрессией выражается идея omnipотенции: Демон – это сам художник, символ его души. Демон появляется в пограничный момент болезни, когда наступает переход от депрессии к маниакальному возбужденному состоянию. Постепенно в произведениях Врубеля начинают проступать признаки тревоги (*Пан, К ночи*). Цветовая гамма большинства работ художника и практически всех автопортретов передает две темы, две главные ноты – скорбь и тревогу. Даже в таком шедевре, как *Портрет сына* (1902), поражают недетски осмысленные глаза младенца, таящие скорбь. Глаза героев врубелевских полотен – одни из важнейших (кроме палитры) знаков психического состояния самого художника. Расширенные, неестественно круглые, содержащие смолистое ядро, они, кажется, принадлежат иному – неземному миру. Выражают боязнь, беспокойство, безысходную тоску, как будто постигли глубину тайны, секрет которой не в состоянии выявить. Глаза в живописи Врубеля сигнализируют об описанном в психиатрии онейроидном синдроме [*Podstawy psychopatologii. Materiały dydaktyczne dla studentów* 1999: 12], для которого характерно чувство пребывания вне времени и пространства, нарушение восприятия, обман зрения в виде галлюцинаций, конкретнее – образных признаков и, наконец, – колебания настроения, эволюционирующего от тревоги к радости и наоборот. Такого рода миражи отличаются от «настоящих» тем, что не отождествляются с реальной действительностью, в которой они возникают в результате действия чрезвычайных сил и явлений. Галлюцинации душевнобольных проецируются на внутреннее чувственное пространство (голоса в голове, картины в глазах). Примером картины, возникшей под влиянием псевдогаллюцинозного состояния художника, может быть картина *К ночи* – одна из наиболее визуально беспокоящих в творчестве русского художника. Центральный персонаж этой картины – не то пастух, не то видение – беспокоит нас и тревожит. Его грозное лицо, как и пронизывающий взгляд, жесткая, угловатая спина несут в себе черты агрессии. Чувство страха и подстерегающей неизвестной опасности усиливает невиданная растительность на переднем плане и холодные оттенки ночного простора. Возникает впечатление, что в когерентности персонажа с натурой заключено предвестие приближающейся катастрофы – быть может, очередного приступа душевной болезни художника. Крас-

но-коричневый колорит композиции отчетливо акцентирует это психоделическое эмоциональное настроение.

В свою очередь в картинах, составляющих врубелевскую демониаду – *Демон сидящий*, *Демон летящий* и *Демон поверженный*, проявляются признаки онейроидного синдрома¹³. «Сопоставляя врубелевские изображения разных лет, можно отметить настойчивую тенденцию к изображению все большей громадности, всеобъемлемости, фантастической космичности образа. [...] в рисунках все больше выступают динамичные линии, передающие те ощущения фантастического полета, которые, как известно, характерны для онейроидных переживаний» [Недува 1970: 314–315]. Это психопатологическое состояние характеризуется грезоподобным нарушением познания, видениями с мистическими чертами. Больные в этом состоянии переживают фантастические картины полёта в космос, пребывания в иных мирах, в «аду» или в «раю». Врубелевское видение Демона можно классифицировать как именно такие фантасмагории. В демониаде также замечательно прослеживается эволюция аффективных состояний, переживаемых художником. Демон, сидящий на вершине гор Кавказа, задумчиво смотрит на земной шар под его стопами. Таинственная непобедимая тоска сковывает его, проявляясь во взгляде, в наклоне головы, в заломленных руках. Он – один, возвышенный, чувствует замкнутую в себе огромную мощь, использовать которую хочет не только для завоевания власти над миром, но и для того, чтобы постигнуть тайну души человека и пересечь никому еще не открытые «зоны». Мы видим грозного ангела с израненной человеческой душой, сидящего посреди чуждого ему мира, страдающего от людского несовершенства¹⁴. Символом сверхчеловеческих желаний Демона стала у Врубеля могучая, выходящая за пределы рамы картины его фигура и пейзаж с хрусталеподобной структурой. Фиолетовый тон освещает громады гор. Этим отливом насыщен также красный цвет. Колористическая палитра Демона сидящего, как кажется, предсказывает злоещее грядущее, равно как и разбитая на множество нерегулярных геометрических фигур композиция картины. «Врубель создал новый вид живописи, красочная гамма

¹³ По мнению проф. Григория Россоломо, черт, дьявол, демон — образы, преследующие душевнобольных, встречаются и в произведениях авторов с больными нервами. Россоломо 1917; Россоломо 1893.

¹⁴ В таком образе Демон проявляет свою родословную. Больше см.: Лернер 2006: 40–43; Воробьевский 2009: 52.

которой представляет из себя как бы сочетание большого количества разноцветных камней» [Карпов 1926: 119].

Очередным этапом путешествия за пределы рационального познания становится у Врубеля полет к Тайне, о раскрытии которой раньше мечтал Демон сидящий. Теперь, на фоне тех же снежных горных вершин, осознающий свою силу Демон летит в Неизвестное. Благодаря оригинальному приему перспективы у зрителя создается впечатление, что Демон летит прямо на него. И хотя летящий Демон находится в состоянии взлета души, называемого в психопатологии инфляцией [Dudek 2006: 197–215], на его лице рисуется предвестие третьего, последнего этапа этого необыкновенного, метафизического путешествия за пределы сознания. В летящем Демоне ощущается повышенный энергетический уровень сознания и уверенность в собственных силах. Эту энергию, называемую Фрейдом либидальной [Ruscroft 1988], витающая душа черпает из бессознательного. В результате психического процесса следует подъем энергии субъекта на сверхзаурядный уровень. Вместе с ростом субъективной мощи меняется ракурс видения действительности: проекция внутреннего состояния обретает маниакальный или бредовый уровень. Летящий Демон образно показывает состояние психики художника, которое последний испытывал во время онейроидных проявлений, когда чувство инфляции сопровождалось изменениями в сфере сознания, т.е. это чувство возвышения над миром, вдохновения, экстаза. В тот момент Демон-Врубель чувствовал себя богом, возобновляя духовную связь с Вечностью. Такое состояние открывало художнику высшую правду и не осознаваемую человеком действительность. В демониаде Врубеля состояние инфляции стало последствием идеи omnipotency с характерным для нее восприятием высшей энергии, мощи, значения и компетенции.

Облик летящего Демона полон отчаянного напряжения, отчужденности и страдания, это – облик побежденного Демона, потерявшего власть над собой и миром, но скорее – иллюзию этой власти. Полет к мощи закончился катастрофой: Демон разбивается о скалы; поломанные, разбросанные крылья лежат в беспорядке вокруг его растянутого горизонтально тела. Не птички – павлиньи перья искрятся на поверхности горного хребта, переливаясь inferнальным разноцветьем. Лицо Демона искажено злобой и отчаянием, глаза наполнены слезами. Итак, Демон поверженный становится ипостасью души в состоянии отчуждения [Dudek 2006: 217–229], т.е. упадка и своеобразной

психической смерти. Демона сопровождает чувство поражения, наказания, безнадежности, бессилия, низкой самооценки. Врубелевская демониада указывает на процесс происходящих в психике художника нарушений, на синусоидные психические переживания от состояния omnipotency, во всю силу – до чувства брэнности, угрозы смерти, страха перед одиночеством.

Подводя итоги, следует заметить, что все психопатологические переживания, испытанные Врубелем на протяжении всей его жизни, одновременно обогатили его, как художника, эмоциональную палитру. С клинической точки зрения, «заболевание Врубеля началось исподволь с колебаний настроения от маниакального до депрессивного, то есть носило характер циклотимии, но после инфицирования сифилисом симптоматика усложнилась, аффективные нарушения стали еще более глубокими, к ним присоединились психотические симптомы»¹⁵. Врубель был тем из немногих художников, которым психические расстройства не помешали в реализации творческой деятельности, хотя в состоянии тяжелой депрессии всякая форма активности *de facto* – невозможна. Можно предполагать, что стадии обострения болезни и испытываемые Врубелем галлюцинации становились в период ремиссии заболеванием оплодотворяющим художественное воображение фактором. Исследования современных психиатров, кажется, подтверждают наш вывод [Richards, Kinney, Lunde, Benet, Merzel 1988: 281–288; Salzman 1996: 57–66]. Согласно их диагнозу, даже в периоды крайних аффективных нарушений возможна некоторая творческая активность, и, кроме того, эти периоды могут стать вдохновляющими для последующего творчества. Таким образом, депрессия может привести к интроспекции и эмпатии, которые оказывают положительное влияние на творческое вдохновение. В свою очередь, маниакальные приступы могут стать инкубационным периодом, во время которого возникают и развиваются идеи, которые будут разработаны в будущем, в период ремиссии болезни, когда осознание будет более рациональным. Минорные цветовые тона, характерные для зрелого творчества Врубеля, взвихренная и динамическая линия, тесная взаимосвязь и столкновение цветовых плоскостей, специфическое выражение лица портретируемых, предрасположенность к стилизации, манера работы в минуты подъема и в спешке, наконец, интроспективная проекция богатства пережи-

¹⁵ <http://npar.ru/journal/2004/1/vrubel.htm>

ваний и сферы безотчетности – все это свидетельствует не только о тесной связи психопатологии и художественного творчества, но и позволяет констатировать, что взаимодействия на линии: эмоции – творение стали ценностью врубелевского искусства. Поэтому, как заметил Александр Блок, «незаметно протекла среди нас жизнь и болезнь гениального художника. Для мира остались дивные краски и причудливые чертежи, похищенные у Вечности» [Блок 2003: 602].

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель, 1934, *Метафизика*, Москва–Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство. – 348 с. Электронный ресурс: <http://dr-serbsku.livejournal.com/> (дата обращения: 7.07. 2014)
- Блок А., 2003, *Памяти Врубеля*. // А. Блок, *Поэзия, драмы, проза* / Сост. А. М. Турков. – Москва: Олма-Пресс. – С. 602–604.
- Воробьевский Ю. Ю., 2009, *Врубель и демон*. // *Русский Дом*. № 1. – С. 52–53.
- Врубель М. А., 1963, *Письма к сестре. Воспоминания о художнике Анны Александровны Врубель. Отрывки из писем отца художника*. // *Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике* / Вступ. статья Э. П. Гомберг-Вержбинской. – Ленинград-Москва: Искусство. – С. 196–202.
- Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике*, 1963 / Вступ. статья Э. П. Гомберг-Вержбинской. – Ленинград-Москва: Искусство. – 362 с.
- Гиндин В. П., 2005, *Психопатология в русской литературе*. – Москва: ПЕР СЭ. – 224 с.
- <http://wroubel.ru/?type=page&page=c8e9eab2-542a-48c1-99ec-bbe9efdc8849&item=99a9703d-da14-4c3d-8d94-f58a29f5e8f1> (дата обращения: 26.05.2014)
- Дмитриева Н. А., 1988, *Михаил Врубель. Жизнь и творчество*. – Москва: Детская литература. – 143 с.
- Ефремова Л. А., 2010, *Врубель*. – Москва: ОЛМА Медиа Групп. – 127 с.
- Карпов П. И., 1926, *Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники*. – Москва–Ленинград: Государственное издательство «Главнаука». – 140 с.
- Клинический архив гениальности и одаренности*. 1925 / Ред. Г. В. Сегалин. – Т. 1. – Свердловск.
- Лернер В., 2011, *Гений и безумие: очерки по исследованию взаимосвязи между психопатологией и творчеством на примере отдельных личностей России XIX века*. – Москва: Медиа Медика. – 335 с.
- Лернер В., Каневский М., Вицтум Э., 2004, *Михаил Александрович Врубель: взаимосвязь психопатологии и творчества*. // *Независимый психиа-*

- трический журнал*. № 1. – С. 83–90. Электронный ресурс: <http://prar.ru/journal/2004/1/vrubel.htm> (дата обращения: 22.06.2014).
- Лернер Л., 2006, *Последний полет Михаила Врубеля: к 150-летию художника*. // *Художественный Совет*. № 5. – С. 40–43.
- Лихтенштейн И. Е., *Михаил Александрович Врубель. Заметки врача*. // <http://za-za.net/mihail-aleksandrovich-vrubel-zametki-vracha/> (дата обращения: 6.07.2014)
- Ломброзо Ц., 1885, *Гениальность и помешательство*. – Санкт-Петербург: Ф. Павленков. – 351 с.
- Недуга С. Ш., 1970, *Психопатология художественных самоописаний в творчестве некоторых деятелей литературы и искусства*. // *Клиника, патогенез и лечение нервно-психических заболеваний* / Ред. Ф. Ф. Федотов. – Москва: Медицина. – С. 311–321.
- Россолимо Г., 1917, *Психологические профили. Количественное исследование психических процессов в нормальных и патологических состояниях*. – Москва: Методика. – 41 с.
- Россолимо Г., 1893, *Экспериментальный метод при изучении нервных и душевных болезней*. – Москва.
- Рыбаков Ф. Е., 1917, *Душевные болезни*, Москва: Издание М. М. Аникина и А. С. Мокроусова. – 490 с.
- Скоробогачева Е. С., 2010, *Михаил Врубель (1856–1910)*. – Москва: АРТ-РОДНИК. – 96 с.
- Тарабукин Н. М., 1974, *Михаил Александрович Врубель*. – Москва: Искусство. – 175 с.
- Цубина М. И., *Болезнь и творчество Врубеля с психопатологической точки зрения*. // Научный Центр Психического Здоровья РАМН. – www.psychiatry.ru/lib/163/book/114/chapter/5 (дата обращения: 25.06.2014)
- Шумский Н., 2001, *Врубель. Жизнь и болезнь*. – Санкт-Петербург: Академический проект. – 159 с.
- Яремич С., 1911, *Михаил Александрович Врубель. Жизнь и Творчество*. – Москва: Изд. И. Кнебель. Тип. Р. Голике и А. Вильборг. – 188 с.

The Genius and Psychopathology. Mikhail Vrubel's Ordeal

Abstract. Mikhail Vrubel (1856–1910) won the fame of a brilliant master of the brush of the Silver Age. He became the founder of Russian Art Nouveau. Titanism and Renaissance universalism – inherent features of Vrubel's talent – took shape in his aspiration to synthetic unification of different forms of fine arts. As an artist, Vrubel was a visionary. In his artistic method, he unified a profound analysis of nature and pictures of mystical intuition in the spirit of symbolism. Vrubel's attention was focused on the symbolic picture of a creative person, challenging common consciousness and constantly forced to make moral and spiritual choices. Vrubel had officially suffered from a mental disorder from 1902, and he was subjected to treatment in clinics. When

his health was improved, he fruitfully created new works of art. Vrubel's life and creative work are an example of the unification of brilliant talent and severe psychopathology in one human soul. The beginning of Vrubel's artistic creation is associated with high spirit. At that time (1890) Vrubel painted *Demon Seated*. Here, for the first time, the idea of omnipotence is manifested with ultimate expression. Demon is the artist himself, the symbol of his soul. Gradually the symptoms of anxiety begin to appear in Vrubel's works (*Pan, Night*). The colour scheme of most of Vrubel's pictures and of all self-portraits transmits two topics, two main notes – sorrow and anxiety. In *Demon Seated, Flying Demon and Demon Downcast*, the symptoms of oneiric syndrome are manifested. The demoniade shows the evolution of emotional states of the artist in an excellent way. It is noteworthy that psychopathological feelings experienced by Vrubel simultaneously enrich his emotional artistic palette. In this way, mental qualities obtain artistic value.

Keywords: *Mikhail Vrubel, psychopathology, creative personality, omnipotence, oneiric syndrome.*

REFERENCES

- Dudek Z. W., 2006, *Podstawy psychologii Junga. Od psychologii głębi do psychologii integralnej.* – Warszawa: ENETEIA. – P. 347.
- Goodwin F. K., Jamison K. R., 1990, *Manic-depressive illness.* – New York: Oxford University Press. – P. 1288.
- Jamison K. R., 1989, *Mood disorders and patterns of creativity in British writers and artists.* // *Psychiatry*. V. 5. – P. 125–134.
- Podstawy psychopatologii. Materiały dydaktyczne dla studentów*, 1999 / Пазаботали А. Rajewski, J. Rybakowski. – Poznań: Katedra Psychiatrii Akademii Medycznej im. K. Marcinkowskiego w Poznaniu. – P. 37.
- Pöldinger W., 1986, *The relation between depression and art.* // *Psychopathology*. V. 19. (suppl. 2). – P. 263–268.
- Richards R., Kinney D. K., Lunde I., Benet M., Merzel A. P. C., 1988, *Creativity in manic-depressives, cyclothymes, their normal relatives, and control subjects.* // *Journal Abnormal Psychology*. Vol. 97. P. 281–288.
- Rothenberg A., 1983, *Psychopathology and creative cognition.* // *Psychiatry*. V. 40. – P. 937–942.
- Rycroft Ch., 1988, *A Critical Dictionary of Psychoanalysis.* – London: Penguin Books. – P. 265.
- Salzman C., 1996, *Treating the depressed artist.* // *Depression and the Spiritual in Modern Art: Homage to Miró* / Eds. J.J. Schildkraut, A. Otero. – Chichester: John Wiley and Sons. – P. 57–66.
- Witztum E., Lerner V., Kalian M., 2000, *Creativity and insanity: the enigmatic medical biography of Nikolai Gogol.* // *Journal Med Biography*. Vol. 8. – P. 110–116.
- <http://www.proza.ru/2008/01/17/35> (Accessed on 1 July 2014)